

ФУНКЦИЯ СУДА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Н. В. Ткачева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье уголовно-процессуальное принуждение исследуется с позиции расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Специфика уголовно-процессуального принуждения раскрывается на основе анализа государственного принуждения, которое выражает волю государства. Рассматривается вопрос о полномочиях суда при даче разрешения на применение некоторых из мер принуждения исходя из классификации уголовно-процессуального принуждения как самостоятельного вида государственного правового принуждения: меры уголовно-процессуальной ответственности; правосстановительные меры (меры защиты); меры уголовно-процессуального принуждения; меры обеспечения обнаружения, изъятия и исследования доказательств.

Ключевые слова: *функция суда, уголовно-процессуальное принуждение, следственные действия, меры принуждения.*

Принуждение – не изобретение людей. Это необходимость, которую они открыли, освоили и постоянно конкретизируют. Социальные условия жизни людей вызывают анти-социальное поведение, требующее соответствующей реакции общества, в том числе и при помощи права. В качестве объективной необходимости принуждение действует в различных социальных связях, принудительная власть есть во всяком человеческом обществе. Таким образом, принуждение, обладая различными формами, определяемыми степенью развития государства, является способом воздействия власти.

Возлагая на участников уголовного судопроизводства обязанности и предоставляя им права, государство рассчитывает, прежде всего, на то, что права будут активно использоваться благодаря развитому чувству гражданского и профессионального долга, правовой активности участников судопроизводства. Но опора на гражданский и профессиональный долг в ряде случаев может оказаться недостаточной, и тогда в механизм правового регулирования включаются дополнительные средства, способные привести к предусмотренному нормой права результату даже при отказе от выполнения процессуальных обязанностей или при недобросовестном их исполнении. Эти средства охватываются понятием процессуального принуждения.

С позиции изучения уголовно-процес-

суального принуждения важны те свойства принуждения, которые используются в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Специфика уголовно-процессуального принуждения раскрывается на основе анализа государственного принуждения, которое выражает волю государства, применяется государством через уполномоченные органы и обеспечивается правом. В свою очередь право немисливо без аппарата, который поддерживает исполнение его норм путем принуждения. Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение – это разновидность государственного принуждения. Однако нельзя упускать то обстоятельство, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность применения принуждения вслед за убеждением и лишь в качестве крайней меры, более того принудительные меры, затрагивающие конституционные права и свободы человека, применяются по решению суда.

В уголовном судопроизводстве принуждение выступает в форме требований, предъявляемых к участнику уголовного судопроизводства. Предъявляемые требования носят самый различный характер: в одних случаях это настаивание на совершении определенных действий, в других – ожидание воздержания от нежелательного поведения, в третьих – привлечение к ответственности беспрекословно подчиниться.

Таким образом, цель уголовно-процессуального принуждения – стеснение в той или иной мере свободы действий, так как свобода исключает принуждение, и принуждение несовместимо со свободой. Принуждение ограничивает либо исключает выбор между различными вариантами поведения, поэтому принуждение не является границей свободы, скорее, принуждение представляет собой не-свободу.

Процессуальному принуждению в разное время процессуалисты посвящали свои исследования. Однако по вопросам правовой природы, сущности уголовно-процессуального принуждения, классификации уголовно-процессуальных средств, особенностей отдельных мер принуждения единого мнения не сформировалось. Более того, функция суда при реализации принуждения в уголовном процессе исторически претерпевала кардинальные изменения. Представляется, что подходы к пониманию принуждения как раз и определяют то наполнение функции суда, которой государство наделяет орган правосудия.

Так, И. Л. Петрухин говорил о том, что принуждения нет, если обязанности выполняются добровольно. По его мнению, истинное принуждение может быть обнаружено лишь с помощью социально-психологических и социологических исследований, которые покажут добровольно или принудительно участники уголовного судопроизводства выполняют возложенные на них обязанности [7, с. 63]. П. С. Элькинд указывала на то, что необходимым условием применения уголовно-процессуального принуждения за правонарушение является санкция в качестве структурного элемента правовой нормы, предусматривающего форму и пределы государственного воздействия за отказ от добровольного выполнения уголовно-процессуальных требований или за лишение субъекта возможности использования дозволения [11, с. 88].

Каким же критерием необходимо пользоваться, чтобы те или иные средства определить как принуждение? Представляется, что таким критерием может выступать объективно неблагоприятный, правоограничительный характер тех или иных мер. Например, О. Э. Лейст считает, что определение обязательного и принудительного в праве находится в зависимости от того, выражают установленные обязанности обычные общественные необходимости или представляют собой огра-

ничения правового статуса граждан [4, с. 17]. Совершенно справедливо, на наш взгляд, З. Ф. Коврига [3, с. 30] и В. И. Каминская [2, с. 3] к объему принуждения в уголовно-процессуальном праве относят такие меры как освидетельствование, отобрание образцов для сравнительного исследования, судебно-медицинскую и судебно-психиатрическую экспертизы и другие принудительные меры. Таким образом, если мера затрагивает правовой статус гражданина, то она должна считаться принуждением независимо от отношения к ней субъекта, к которому она применяется, оснований и целей ее использования.

Государственная воля, выраженная в процессуальных обязанностях, должна, безусловно, претворяться в жизнь, независимо от того, содержат обязанности определенные правоограничения или нет. По своему целевому назначению уголовно-процессуальное принуждение призвано содействовать успешному осуществлению стоящих перед уголовно-процессуальной деятельностью задач. Эта общая цель конкретизируется применительно к непосредственным целям отдельных разновидностей принудительных средств уголовно-процессуального принуждения. По нашему мнению, уголовно-процессуальное принуждение как самостоятельный вид государственного правового принуждения состоит из четырех элементов:

- 1) меры уголовно-процессуальной ответственности;
- 2) правосстановительные меры (меры защиты);
- 3) меры уголовно-процессуального принуждения;
- 4) меры обеспечения обнаружения, изъятия и исследования доказательств.

Самые первые классификации мер процессуального принуждения можно увидеть в трудах ученых 50-х гг. XX века, когда уголовно-процессуальное принуждение классифицировалось на: 1) меры пресечения; 2) меры по обнаружению и изъятию доказательств; 3) меры, обеспечивающие порядок в судебном заседании; 4) прочие [5, с. 6].

Представляется интересным, на наш взгляд, вопрос о полномочиях суда при даче разрешения на применение некоторых из мер принуждения. В этой связи рассмотрим полномочия суда при производстве оперативно-розыскных мероприятий, при производстве следственных действий, при применении мер

уголовно-процессуального принуждения.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7). Среди шести перечисленных там оснований первым является наличие возбужденного уголовного дела. Следует согласиться с В. М. Быковым и Л. В. Березиной, которые подчеркивают, что в стадии возбуждения уголовного дела познание преступного события может осуществляться как процессуальными, так и непроцессуальными методами и способами, например, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, однако информация, полученная в ходе таких мероприятий, не имеет доказательственного «правового значения, поскольку выходит за рамки уголовного процесса» [1, с. 17]. Следует заметить, что проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий возможно только на основании разрешения суда, следовательно, ст. 29 УПК РФ среди полномочий суда должна содержать полномочие – дача разрешения на производство оперативно-розыскных мероприятий, которые разрешено проводить только по решению суда, так как эта деятельность осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела. Полномочия суда в данном виде деятельности установлены лишь в ст. 8, 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Помимо приведенного нами первого основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, которое имеет отношение к уголовно-процессуальной деятельности, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает ряд оснований, которые выходят за рамки уголовно-процессуальной деятельности и имеют место при реализации оперативно-розыскной деятельности. Данные вопросы не касаются темы исследования, но представляется, что суд обладает рядом полномочий и в этом виде деятельности, то есть задолго до решения вопроса о возбуждении уголовного дела суд правомочен принимать решение о разрешении на производство оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых после проверки могут быть положены в основу при решении вопроса о возбуждении уголовного дела (рапорт соответственно будет являться поводом для возбуждения уголовного дела, а достаточные данные в собранных материалах – ос-

нованием для возбуждения уголовного дела).

Решения о производстве некоторых следственных действий по решению суда принимаются на стадии предварительного расследования. Прежде всего отметим, что понятие «следственные действия» не нашло своего отражения в законе, не смотря на все доводы ученых и практиков, которые призывают к необходимости это сделать. Так, при исследовании теоретических и практических положений следственных действий В. А. Семенцов [8, с. 17] установил, что 71,8 % респондентов (практические работники органов расследования) при анкетировании указали на необходимость формулирования в тексте уголовно-процессуального закона данного понятия. Отсутствие понятия «следственные действия» в законе позволяет ученым интерпретировать его по-своему. Так, по мнению В. А. Семенцова, «следственные действия – регламентированные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия по собиранию и проверке доказательств, проводимые уполномоченными на то лицами с целью установления и доказывания имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением» [8, с. 26]. С. А. Шейфер говорит о следственных действиях как о комплексе регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [10, с. 38]. А. Б. Соловьев под следственными действиями понимает подробно регламентированные уголовно-процессуальным законом и применяемые в целях собирания (формирования) доказательств действия, имеющие познавательный и удостоверительный аспекты (стороны) и включающие систему взаимосвязанных операций, которые обусловлены своеобразным сочетанием в каждом из них общенаучных методов познания, соответствующих особенностям следов преступления» [9, с. 36]. Это далеко не все определения, которые можно встретить в научной и учебной литературе, однако в их основу заложены следующие положения: обязательная

регламентация производства следственных действий законом и цель их производства – установление и доказывание имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств. Как правильно подчеркнул В. А. Семенов в вышеприведенном нами определении, производство следственных действий обеспечивается уголовно-процессуальным принуждением, поэтому мы полагаем, что при производстве ряда следственных действия затрагиваются конституционные права и свободы человека и гражданина. Именно поэтому законодатель предоставил правомочие принимать решение о производстве таких следственных действий только суду. Так, ч. 2 ст. 29 УПК РФ устанавливает, что только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы; о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска и (или) выемки в жилище; о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката; о производстве личного обыска, за исключением случаев, когда лицо задерживается по подозрению в совершении преступления; о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; о контроле и записи телефонных и иных переговоров; о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Исторически не всегда перечисленные полномочия были исключительно прерогативой суда. До введения в действие УПК РФ 2001 года, то есть до 1 июля 2002 года, эти полномочия принадлежали прокурору, а ряд полномочий (о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска и (или) выемки в жилище; о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную

или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях) принадлежали прокурору до 1 января 2004 г. Более того, отметим, что полномочие прокурора называлось санкция, которая сводилась к отметке на постановлении следователя о производстве следственного действия, а полномочие суда в настоящее время называется «решение», которое содержится в выносимом судом мотивированном постановлении. Законодатель в ч. 4 ст. 165 УПК РФ подчеркивает, что постановление об отказе в производстве следственного действия должно быть мотивированным, упуская, важнейшее, на наш взгляд, положение о том, что и постановление о производстве следственного действия также должно быть мотивированным. Иначе, получается, что следователю понятен отказ, так как постановление об отказе мотивировано, а обвиняемому (подозреваемому), в отношении которого будет проводиться разрешенное судом следственное действие, не ясны мотивы суда, так как постановление о разрешении производства следственного действия не должно быть мотивированным. Можно ли назвать деятельность суда в данном случае санкционированием? Или это больше походит на разрешение, дозволение, согласие? Правильно ответить в данном случае, полагаем, можно исходя из этимологии слов «санкция», «разрешение», «дозволение», «согласие».

Санкция – утверждение чего-нибудь высшей инстанцией [6, с. 686]. Разрешение – право на совершение чего-нибудь [6, с. 643]. Дозволение – позволение, разрешение [6, с. 167]. Согласие – разрешение, утвердительный ответ на просьбу [6, с. 731]. Процедура получения решения суда на производство следственного действия установлена УПК РФ: лицо, производящее расследование (следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора), возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление. Другими словами, они обращаются в суд с просьбой, поэтому деятельность суда в данном случае более походит не на санкционирование, разрешение, дозволение, а на согласие или несогласие, сформулированное в мотивированном постановлении судьи.

Какова же функция суда при рассмотрении вопроса о согласии или несогласии с производством следственного действия, затрагивающего конституционные права граждан? Учитывая право органов, осуществляющих расследование, на неразглашение данных расследования, закон предусмотрел закрытый порядок рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия с правом участия в нем прокурора, следователя и дознавателя (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). Таким образом, говорить о наличии принципа состязательности в данном случае не приходится, а, следовательно, можно рассуждать о нарушении права на защиту, так как только две уголовно-процессуальные функции при проведении данной процедуры имеют место: функция обвинения и очевидно функция рассмотрения и разрешения уголовного дела, так как участвуют суд, прокурор, следователь, дознаватель. Конечно, суд не рассматривает и не разрешает уголовное дело по существу, но данная его функция реализуется через такое проявление, как судебный контроль. Однако следует отметить, что проявления состязательности в некоторых частных случаях все же имеют место. Имеется правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определениях от 8 июня 2004 г. № 194-О и от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П относительно данных вопросов. В определении № 194-О указано, что результат процессуального действия – помещение подозреваемого (обвиняемого) в психиатрический стационар – имеет существенное значение для определения прав и обязанностей; поэтому вопросы, при которых суд дает/не дает согласие на помещение в психиатрический стационар должны решаться независимым судом на основе справедливого судебного разбирательства, что предполагает обеспечение состязательности и равноправия сторон, в том числе предоставление им достаточных процессуальных правомочий для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий. В определении № 1076-О-П Конституционный Суд РФ поясняет свою правовую позицию по поводу принятия решения судом о законности/незаконности производства личного обыска и обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательств, в судебном заседании в отсутствие лица, в отношении которого проводился личный обыск или обыск в жилище и его защитника. Конституционный Суд РФ

установил, что суд не имеет права отказать в удовлетворении ходатайства лица, в отношении которого проводился обыск, и его защитника об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, причем суд обязан направить копию судебного решения лицу и его защитнику для обеспечения права на его обжалование. Более того, при производстве обыска следователь обязан разъяснить заинтересованным лицам их права, в том числе и право заявлять ходатайство об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, обеспечить возможность их осуществления и указать суд, в котором будет проводиться судебное заседание.

Представляются интересными постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П; от 17 ноября 2005 г. № 11-П; от 6 апреля 2006 г. № 3-П; от 25 марта 2008 г. № 6-П, где сказано, что право на судебную защиту предполагает наличие таких конкретных правовых гарантий, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечивать эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства; необходимой гарантией права на судебную защиту и права на справедливое судебное разбирательство служит равно предоставляемый сторонам доступ к правосудию, включая реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда.

Учитывая правовые позиции Конституционного Суда РФ, можно заключить, что нельзя говорить о безапелляционном отсутствии состязательности в досудебном производстве при рассмотрении вопросов, отнесенных к ведению суда. Стоит внимательно относиться к тем правомочиям суда, на которые указывают высшие судебные инстанции, и наличие состязательности проявится само собой. Однако отсутствие детального закрепления в УПК РФ таких правомочий суда не сказывается положительно на правоприменительной практике, поэтому стоит задуматься о формулировании норм, касающихся правомочий суда на досудебных стадиях, которые бы реализовывали принцип состязательности.

Следующее направление деятельности суда в досудебном производстве касается согласия или не согласия (именно согласия/несогласия, как было выяснено выше) на

применение меры принуждения. Так, ст. 29 УПК РФ устанавливает, что только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий; о продлении срока содержания под стражей, срока домашнего ареста, срока определенных действий; о наложении ареста на имущество; об установлении срока ареста, наложенного на имущество, и его продлении в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом; о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности.

Уголовно-процессуальное принуждение является следствием противоречия (конфликта) между волей органа судопроизводства и волей участника уголовного судопроизводства. Цель такого принуждения – подчинить участника уголовного судопроизводства уголовно-процессуальному закону, а также принудительным путем снять складывающееся противоречие и обеспечить нормальные условия судопроизводства. Осуществляя принуждение, органы уголовного судопроизводства ставят своей задачей так повлиять на ум, сознание, волю, чувства и настрой участника уголовного судопроизводства, чтобы он осознал как справедливость примененных к нему принудительных мер, так и необходимость ожидаемого от него уголовно-процессуального поведения.

Рассуждая о природе уголовно-процессуального принуждения, нельзя упустить его признаки. Представляется, что это:

1) применение только в сфере уголовного судопроизводства;

2) лица, к которым такое принуждение может применяться, основания, условия, формы, пределы и порядок его применения точно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством;

3) законность и обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения обеспечивается процессуальными гарантиями: право на обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство; право на возмещение имущественного и морального вреда.

Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение может иметь место только при производстве по уголовному делу, на основе

закона и в рамках уголовного процесса. Применяется оно к таким участникам процесса, которые вовлекаются в сферу уголовно-процессуальных правоотношений. Одним из наиболее ярких признаков уголовно-процессуального принуждения является то, что оно носит государственно-властный характер, реализуется с помощью деятельности определенных органов, каждый из которых имеет свои обязанности перед государством. По своей природе уголовно-процессуальное принуждение выражается в психологическом, физическом и материальном воздействии на определенного участника уголовного процесса. Уголовно-процессуальное принуждение всегда связано с определенными правовыми ограничениями в виде личностного (свободы передвижений и выбора занятий, неприкосновенности личности и жилища, тайны переписки и т.п.) и имущественного (возможность свободного распоряжения находящегося в правомерном владении имущества) характера. Итак, в любых формах своего проявления уголовно-процессуальное принуждение так или иначе сопряжено с определенным стеснением прав и свобод, определяющих конституционный статус личности.

Уголовно-процессуальное принуждение обуславливается ситуацией противоречия, возникшей в процессе деятельности по обеспечению выполнения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Ситуации противоречия, вызывающие необходимость использования процессуального принуждения, могут иметь место на любом этапе движения уголовного дела. Наличие или отсутствие ситуации противоречия в каждом отдельном случае определяется совокупностью данных фактического характера, с которыми закон связывает возможность уголовно-процессуального принуждения. Именно совокупность фактических данных (доказательств), позволяющих сделать вывод о необходимости применения той или иной меры, является достаточным основанием для ее применения.

Следует отметить, что тенденции в уголовном процессе позволяют проследить отношение государства к роли суда при применении мер принуждения. В частности за последние годы произошли серьезные изменения: право на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу отдано суду (ранее ордер на арест выдавался прокурором),

затем появилась мера пресечения «домашний арест» и законодатель определил, что применение этой меры пресечения является прерогативой суда; наконец, право избирать залог в качестве меры пресечения переходит от прокурора суду. Таким образом, государство подчеркивает, что на суд возлагается обязанность судебного контроля за органами, принимающими решение избрать ту или иную меру принуждения, так как именно орган расследования ходатайствует об избрании меры принуждения, а суд соглашается с этим ходатайством или нет.

Литература

1. Быков, В. М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / В. М. Быков, Л. В. Березина. – Казань, 2006. – 256 с.
2. Каминская, В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве / В. И. Каминская // Советское государство и право. – 1968. – № 10. – С. 28–35.
3. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж, 1975. – 175 с.
4. Лейст, О. Э. Проблемы принуждения по советскому праву / О. Э. Лейст. – Вестник МГУ. – 1976. – № 4. – С. 17–18.
5. Лившиц, Ю. Д. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Д. Лившиц. – М., 1958. – 18 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
7. Петрухин, И. Л. Природа уголовно-процессуального принуждения / И. Л. Петрухин. – М., 1985. – 239 с.
8. Семенцов, В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография / В. А. Семенцов. – Екатеринбург, 2006. – 298 с.
9. Соловьев, А. Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): научно-методическое пособие / А. Б. Соловьев. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 216 с.
10. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М., 2001. – 208 с.
11. Элькин, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькин. – Л., 1976. – 143 с.

Ткачева Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: tkachevanv@susu.ru.

Статья поступила в редакцию 16 июня 2021 г.

DOI: 10.14529/law210408

THE FUNCTION OF THE COURT IN THE EXERCISE OF POWERS TO APPLY CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

N. V. Tkacheva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with criminal procedural coercion from the perspective of investigation and judicial review of criminal cases. The specifics of criminal procedural coercion are revealed on the basis of the analysis of state coercion, which expresses the will of the state. The article considers the issue of the powers of the court when granting permission to carry out some of the coercive measures based on the classification of criminal

procedural coercion as an independent type of state legal coercion: measures of criminal procedural responsibility; law-restoring measures (protective measures); measures of criminal procedural coercion; measures to ensure the detection, seizure and investigation of evidence.

Keywords: *function of the court, criminal procedural coercion, investigative actions, coercive measures.*

References

1. Bykov V. M., Berezina, L. V. *Dokazyvanie v stadii vozbuždeniâ ugovnogo dela po UPK RF* [Proving at the stage of initiation of a criminal case under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Kazan', 2006, 256 p.
2. Kaminskaâ V. I. [Protection of the rights and legitimate interests of citizens in criminal procedure law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1968, no. 10, pp. 28–35. (in Russ.)
3. Kovriga Z. F. *Ugolovno-processual'noe prinuždenie* [Criminal procedural coercion]. Voronež, 1975, 175 p.
4. Lejst O. È. [Problems of coercion under Soviet law]. *Vestnik MGU* [Bulletin of the Moscow State University], 1976, no. 4, pp. 17–18. (in Russ.)
5. Livšic Ū. D. *Mery processual'nogo prinuždeniâ v ugovnom processe: avtoreferat. dis. ... kand. ūrid. nauk* [Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Abstract Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 1958, 18 p.
6. Ožegov S. I., Švedova N. Ū. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1994, 907 p.
7. Petruhin I. L. *Priroda ugovno-processual'nogo prinuždeniâ* [The nature of criminal procedural coercion]. Moscow, 1985, 239 p.
8. Semencov V. A. *Sledstvennye dejstviâ v dosudebnom proizvodstve (obšie položenâ teorii i praktiki)* [Investigative actions in pre-trial proceedings (general provisions of theory and practice)]. Ekaterinburg, 2006, 298 p.
9. Solov'ev A. B. *Sistema sledstvennyh dejstvij kak sredstvo ugovno-processual'nogo dokazyvaniâ (problemy ugovnogo processa i kriminalistiki)* [The system of investigative actions as a means of criminal procedural proof (problems of criminal procedure and criminalistics)]. Moscow, 2006, 216 p.
10. Šejfer S. A. *Sledstvennye dejstviâ. Sistema i processual'naâ forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, 2001, 208 p.
11. Èl'kind P. S. *Celi i sredstva ih dostiženâ v sovetskom ugovno-processual'nom prave* [Goals and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law]. L., 1976, 143 p.

Natalia Viktorovna Tkacheva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: tkachevanv@susu.ru.

Received 16 June 2021.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ткачева, Н. В. Функция суда при реализации полномочий по применению уголовно-процессуального принуждения / Н. В. Ткачева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 49–56. DOI: 10.14529/law210408.

FOR CITATION

Tkacheva N. V. The function of the court in the exercise of powers to apply criminal procedural coercion. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 49–56. (in Russ.) DOI: 10.14529/law210408.